

НАРОДЫ СССР

Историко-этнографический атлас Сибири. Под редакцией М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.—Л., 1961, 497 стр.

Институт этнографии АН СССР начал подготовку серии историко-этнографических атласов, освещающих размещение различных элементов духовной и материальной культуры. Это издание позволит обобщить накопленный этнографический материал, будет способствовать решению этнографических проблем, выявлению культурного взаимовлияния народов.

Выход в свет Сибирского историко-этнографического атласа — первого в этой серии — крупное событие в этнографической науке.

Как известно, по Сибири в течение XIX и в начале XX в. накоплен огромный этнографический материал. Обобщение этого материала, его систематизация и теоретическое осмысление — большая задача, стоящая перед советскими этнографами-сибиреводами.

Первый шаг в этой области был сделан авторским коллективом тома «Народы Сибири»¹. Однако в этой большой сводке этнографических материалов, естественно, невозможно было дать всесторонний анализ отдельных явлений материальной культуры. Эту задачу решают авторы рецензируемого атласа. Они поставили перед собой цель выявить, обобщить и классифицировать этнографические данные по различным элементам культуры народов Сибири.

В основу группировки материала взяты народности, а не административно-территориальные единицы.

Каждый раздел атласа (за исключением статьи «Орнамент») состоит из альбома фотографий, показывающих особенности того или иного вида материальной культуры у отдельных народов Сибири, классификационной части — типологических таблиц, состоящих из чертежей, рисунков и карт распространения выделенных типов и их сочетаний, и текстовой части. Иллюстративный материал — основной источник работы — тщательно документирован. Текстовая часть каждого раздела построена по единому плану: 1) краткое введение; 2) описание особенностей того или иного элемента материальной культуры во всех его видах и формах у отдельных народов Сибири; 3) текстовые приложения к типологическим таблицам и картам распространения выделенных типов; 4) заключение, рассматривающее историко-этнографические взаимосвязи между отдельными типами.

Изданию предпосланы введение, карта расселения народов Сибири в конце XIX — начале XX в., составленная С. И. Бруком, и карта расселения народов Сибири в XVII в., составленная Б. О. Долгих. В пояснении к последней составителем отмечены основные этногенетические процессы, протекавшие на территории Сибири в XVII — XX вв., и высказаны весьма ценные соображения по этногенезу ряда сибирских народов.

Первый раздел атласа посвящен оленному транспорту. Авторы — Г. М. Василевич и М. Г. Левин, рассмотрев отдельные элементы упряжного и вьючно-верхового оленеводства, выделили дугокопильный, прямокопильный и косокопильный типы нарт, однооленную, двухоленную и веерную упряжку, два способа управления оленями — слева и справа, два типа недоуздов — простой и сложный, два типа лямок — простой и сложный, три типа крепления тяжа с нартой — привязной, перекидной и блочный, два типа верховых и вьючных седел — «конское» и специально сибирское, с рядом разновидностей, и, наконец, несколько разновидностей вьючных сум — твердые, мягкие, одиночные и сдвоенные. Рассмотрение сочетания этих признаков у народов Сибири привело авторов к выводу о наличии трех основных типов нартенного транспорта: чукотско-корякского, тунгусо-якутского и самодийского; двух видов вьючно-верхового транспорта — саянского и сибирского.

Семь типологических таблиц оленного транспорта (88 рисунков) и пять карт, показывающих географическое распространение типов ездовых нарт, типов креплений тяжа с нартой, типов верховых и вьючных седел и типов нартенного и вьючно-верхового транспорта, являются итогом данной статьи. Реальность взятых за основу признаков и выделенных по ним типов оленного транспорта не вызывает сомнений. Сопоставление этих типов между собой, а также с ранними сообщениями о езде на собаках и оленях позволило авторам статьи обосновать ряд общих гипотез о происхождении и эволюции оленного транспорта. Авторы указали на связь между саянским вьючно-верховым оленеводством и самодийским, на сравнительно позднее происхождение самодийского оленеводства. Г. М. Василевич и М. Г. Левин привели ряд аргументов и в пользу сравнительно недавнего возникновения оленеводства у чукчей и коряков и заимствования ими этой формы транспорта у тунгусских наро-

¹ «Народы Сибири» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1956.

дов. Заслуживают внимания данные о происхождении саянского вьючно-верхового оленеводства в результате подражания саянским коневодам, а тунгусского — под влиянием конного транспорта монголоязычных групп, т. е., следовательно, двух центров происхождения оленеводства. Статья об оленем транспорте интересна и по методике. Наряду с существенными функциональными признаками, как, например, способы крепления тяжа с нартой или способы крепления копыльев, авторы обратили внимание на «второстепенные» традиционные признаки: прохождение поводка справа или слева, сидение на нарте справа, слева или верхом. Распределение способов управления оленем позволяет, как уже отмечалось, сблизить, казалось бы, далекие по формам саянское и самодийское транспортное оленеводство. Как выяснилось, именно эти «второстепенные» признаки оказались весьма стойкими, а географическое и этнографическое их распространение совсем не случайно. Известная стойкость второстепенных признаков, нам думается, объясняется тем, что, если от применения той или иной формы крепления тяжа или формы лямок ощущается реальная польза и эти усовершенствования при наличии благоприятных условий заимствовались, то второстепенные особенности, не имеющие существенного значения, сохранялись, передавались по традиции и часто рассматривались как «свои», «родовые» и т. д.

В связи с этим нельзя не выразить сожаления, что авторы отказались от рассмотрения типов средств понукания и их различий, форм посохов и наверший к ним. Разновидности средств понуканий (хорей, кнуты, хлысты) не представлены должным образом даже в иллюстративной части статьи. Для понимания различий между отдельными типами и вариантами оленного транспорта весьма важны детали. Так, чукчи и коряки при езде на оленях нередко применяют особый тормоз — скобку из рога. Ее привязывают к копылу и, нажимая ногой, регулируют скорость спуска. На якутском севере тормозят хореем или обвязывают полдосья ремнями. Однако эти детали не привлекли внимания авторов статьи. Наконец, для изучения вопроса о происхождении отдельных типов нарт весьма важна техника их изготовления. Если нарты с ремненным креплением могут быть изготовлены при помощи орудий из камня, то для изготовления нарты с пазовым креплением требуются железные орудия. Таким образом, косокопыльные самодийские нарты, несомненно, имеют меньший возраст, чем чукотско-корякские. К сожалению, техника изготовления нарт также не принималась во внимание авторами статьи.

Второй раздел атласа — «Упряжное собаководство» делится в описательной и иллюстративной частях на две части: упряжное собаководство в конце XIX — начале XX в. и в конце XVIII и начале XIX в. Авторы — В. В. Антропова и М. Г. Левин — разработали классификации отдельных элементов собачьего транспорта по конструктивным признакам. Выявлены три типа нарт — прямокопыльные (варианты — с передней и задней дугой, с одной передней дугой), дугокопыльные (варианты — двухкопыльный и многокопыльный), косокопыльные, два типа упряжки — продольная (варианты — попеременная, парная) и поперечная (варианты — зеерная и блочная) и четыре типа упряжи — шейная, грудная, тазовая и лоноточная. Изучение собаководства показало, что каждому типу нарт соответствует определенный тип упряжи и упряжки. Основываясь на сочетаниях основных элементов, авторы выделили пять типов упряжного собаководства: восточносибирский, амурсо-сахалинский, чукотско-камчатский, западносибирский и северо-западный.

Результаты разработки темы суммированы в трех типологических таблицах (29 рисунков) и трех картах (с врезками) распространения типов нарт, упряжи и упряжного собаководства. Обобщая материал, авторы пришли к следующим весьма важным выводам: упряжному собаководству предшествовало тягловое (использование собаки в помощь человеку при перевозке грузов, т. е. впрягание ее в ручную нарту); возникновение упряжного собаководства было связано со специализацией рыболовецкого и морского зверобойного промыслов; пять выявленных типов упряжного собаководства возникли в разных центрах хронологически неодновременно. Эти гипотезы убедительно обоснованы. Следует, однако, заметить, что тягловое собаководство (этот вид транспорта рассматривается авторами попутно) при всей своей аморфности и разнообразии может быть подразделено на простое, не имеющее четко выраженных форм, и «управляемое»; в последнем случае к нарте привязывается шест-руль: человек вместе с собаками впрягается в нарту, но управляет ее ходом при помощи руля. Именно такой тип собачьего транспорта бытовал у верхнеколымских юкагиров и удэгейцев. Возможно, тягловый тип собаководства с рулем и предшествовал восточносибирскому собаководству. Во всяком случае, руль — важная деталь при классификации ручных нарт, которая почему-то не привлекла к себе внимания исследователей. Далее, на взаимосвязь отдельных типов упряжного собаководства могли бы указать данные о словах команды, с помощью которых управляли собаками. Термины команды весьма близки на всем Севере². Но вопрос о командах не рассмотрен

² Б. О. Долгих. Езда на собаках у русского старожильского населения низовьев Енисея, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XXXV, 1960.

авторами статьи. Укажем, что при описании восточносибирского упряжного собаководства следовало бы упомянуть об использовании железных подполозков, медных вертлюгов.

Третий раздел атласа «Лыжи» (автор В. В. Антропова) знакомит читателя с большим материалом, сведенным в десять таблиц (127 фотографий). Рассмотрение этого материала позволило автору присоединиться к общепринятому разделению лыж на две категории — скользящие и ступательные. Скользящие лыжи подразделены в атласе на прямые (саяно-алтайский и амуро-сахалинский типы) и выгнутые (восточносибирский, амурский, северо-западный и приобский типы). Ступательные лыжи представлены одним чукотско-камчатским типом. Следует отметить, что выделенные типы скользящих лыж очень близки между собой и, может быть, их следует считать не типами, а вариантами. Автором сделаны весьма существенные замечания о близости и взаимовлиянии отдельных типов. Однако в целом вопрос о генезисе скользящих лыж чрезвычайно труден, так как это очень древний вид транспорта.

Большой материал систематизирован в разделе «Лодки». Автор (В. В. Антропова) выделяет по конструкции остова четыре группы лодок: долбленые, составные, каркасные и килевидные. Среди долбленых лодок по форме носа выделены типы: колодообразные, остроконечные, с лопатообразным носом; среди составных — плоскодонные, круглодонные, сложные. Некоторые типы подразделяются на местные варианты (так, среди остроконечных выделены варианты: западносибирский, восточносибирский, амурский), различаются конструктивные особенности отдельных деталей лодок. Представленная классификация нам кажется убедительной, однако тип килевидных лодок, возможно, следовало бы считать подтипом каркасных, так как различие между ними сводится к тому, что каркас первых обтягивается шкурами, а вторых — берестой.

Два самых больших раздела атласа — «Жилище» и «Верхняя одежда».

Автор раздела «Жилище» — А. А. Попов, крупный советский этнограф, большой знаток сибирской этнографии. Перед ним стояла особенно сложная и совершенно не разработанная задача: привести в систему и классифицировать чрезвычайно большой материал по очень разнообразным и разнохарактерным жилищам сибирских народов. В целом эта трудная задача автором успешно решена. Об объеме проделанной им работы свидетельствует то, что в этом разделе приведены тридцать семь таблиц фотографий и двадцать шесть таблиц тщательно выполненных типологических рисунков жилищ, отражающих все особенности конструкции. Распространение выделенных автором типов жилищ показано на трех картах.

Заслугой автора является аргументированное выделение двух больших групп сибирских построек — срубных и каркасных. Удачно выделены автором основные признаки и варианты чума. Вместе с тем неоправдано избегание давно установившегося в этнографической литературе (и вошедшего, кстати, в русский литературный язык) понятия «чум», замененного описательным термином «конический шалаш». Надо отметить однако, что деление сибирских жилищ на временные и постоянные, зимние и летние, наземные, полуподземные, подземные, свайные (стр. 132—155), а также широкое и не всегда оправданное употребление автором слова «шалаш» делают классификационную схему недостаточно ясной. Так, в группу шалашей попадают и действительно шалаша — легкие наземные постройки из жердей, и полуземлянки, и плетеные жилища, и даже каркасно-бревенчатые амурские зимники (стр. 136, 139, 140). Не обосновано употребление для свайных жилищ термина «каркасно-срубные постройки». Для угров этот термин совершенно не подходит, а для амурских народов и сам автор отмечает поздний характер сооружений, в которых соединялась срубная и каркасная техника (стр. 153).

Вообще же свайные постройки по конструкции ничем не отличались от срубных или каркасных, кроме наличия свай, так же как подземные постройки не отличались от полуподземных. Не совсем точны термины «прямоугольные», «цилиндрические» жилища, так как при этом учитывается только форма стен в плане и не принимается во внимание другой важный элемент конструкции — форма покрытия. Временными и постоянными, зимними и летними жилища могли быть нередко независимо от их конструкции. Предложенная А. А. Поповым классификация сибирских жилищ нуждается в дальнейшем совершенствовании. На наш взгляд, можно следующим образом перестроить классификационную схему сибирских построек.

I. Каркасные: 1. Капитальные из столбов постройки пирамидообразной и усеченнопирамидалной формы: а) подземные; б) полуподземные; в) наземные. 2. Легкие корьевые из жердей (наземные): а) чум (конический шалаш)³; б) односкатный шалаш; в) двускатный шалаш; г) полусферический шалаш и т. д.

II. Срубные: 1. Четырехугольные, с вариантами покрытия (с плоским, односкатным, двускатным и т. д.): а) полуподземные; б) наземные; в) свайные. 2. Многоугольные (различные варианты).

³ Покрывается не только корой, но и оленьими шкурами, ровдугой.

Автор делает ряд интересных выводов о развитии и происхождении типов жилищ. Вместе с тем он не всегда правильно определяет территорию распространения отдельных типов. В частности, в тексте и на картах сужены границы распространения каркасных подземных и полуподземных построек обских угров (например, Нижняя Обь, Аган и т. д.). На карте 1, кроме конических, никаких других построек у манси не показано. Трудно согласиться с мнением автора о происхождении каркасных подземных и полуподземных построек от конических (это противоречит археологическим материалам: например, в древнейших стоянках Сибири — Мальта, Буреть — подземные, полуподземные и легкие наземные каркасные сооружения типа чума существовали); нет достаточных оснований утверждать заимствование хантами конструкции пирамидообразного жилища у тунгусов, неубедительна точка зрения автора о происхождении чувала и т. д. (стр. 155—160). Автором не сделана попытка учесть внутреннюю планировку жилищ — очень существенный этнографический признак.

В разделе «Верхняя одежда» (автор Н. Ф. Прыткова) в основу классификации положен покрой. Автором выделены две основные группы одежды — распашная и глухая. Распашная одежда делится на семь типов с вариантами: енисейский, восточносибирский, среднесибирский, западносибирский, ленский (якутский), южносибирский и восточноазиатский. В глухой одежде выделено пять типов: северо-восточный, приуральский и таймырский (в мужской), чукотско-камчатский и северо-восточный (в женской одежде). Многочисленные фотографии одежды, сведенные в 64 таблицы, и 20 таблиц раскроя одежды хорошо показывают все выделенные типы и варианты. Пять подробных карт дают представление о распространении типов и вариантов верхней одежды. Неясно лишь, почему автором не рассматривается одежда южных хантов и манси (иртышских, сальмских и кондинских — стр. 228).

Очень бегло сказано в конце статьи о соответствии типов одежды различным формам хозяйственной деятельности, причем ряд типов одежды в этом плане по непонятной причине не принят во внимание. Хотя автор и оговаривает, что в атласе рассматривается только обычная верхняя одежда, мы считаем неоправданным исключение из описания такой специфической одежды ненцев, нганасан и энцев, как сокуй (совик, гусь), которая является очень существенным этническим признаком для указанных групп.

Нет четкости в терминологии. В одних случаях отдельные виды одежды снабжены местными названиями, в других — нет. Встречаются ошибки в приведенных названиях, например кетская зимняя одежда с подкладкой из заячьих шкурок ошибочно названа *хакэт* (стр. 229) — правильное название ее *бесем*; верхняя мужская зимняя одежда тувинцев названа *тон* (стр. 235), хотя это название объединяет мужскую, женскую и детскую летнюю и зимнюю одежду определенного типа. Мужской летний халат тувинцев из ткани назван *шува терлиг* или *ой тон* (стр. 235), между тем *ой тон* означает легкую шубу из шкуры барана с шерстью, отросшей после весенней стрижки; что касается *шува терлиг*, то такой одежды у тувинцев нет, а есть *терлиг тон* и *шива тон*.

Встречаются неточности и в названиях этнических групп. В тексте (стр. 230) и в подписях под таблицами (например, табл. 15) упоминаются авамские эвенки. Существуют лишь авамские нганасаны, а авамские эвенки этнографии неизвестны.

Имеются случаи отнесения одежды одних народов другим, что, вероятно, вызвано ошибками в музейных записях, которыми пользовался автор. Так, например, на таблице 17 в качестве эвенкийской показана долганская женская шуба (рис. 1), а в тексте (стр. 230) сделаны в этой связи выводы о распространении у долган эвенкийской одежды («авамских эвенков»).

Раздел «Головные уборы» также принадлежит Н. Ф. Прытковой. Автор в соответствии с задачами атласа рассматривает лишь сравнительно распространенные головные уборы, исключив из классификации те из них, которые встречаются только у одного народа.

В атласе в основу классификации головных уборов, так же как и одежды, положен покрой. Автору пришлось преодолеть большие затруднения, так как в этнографических работах, касающихся характеристики материальной культуры народов Сибири, как правило, даются лишь самые общие сведения о головных уборах, часто без описания и чертежей покроя — важнейшего классификационного признака.

Н. Ф. Прыткова выделяет среди сибирских головных уборов (они представлены на двадцати семи таблицах) восемь типов капоров, четыре типа шапок, три типа шляп и один тип колпаков. На основе анализа большого материала автор приходит к интересному выводу, что основным головным убором у народов Сибири в рассматриваемое время был капор, в прошлом представлявший собой шкурку, целиком снятую с головы животного. В приведенной автором сводке, а также на специальной карте показано распространение типов и вариантов головных уборов.

В этом разделе, как и в предыдущем, у автора нет единого принципа для выделения этнографических групп. Так, например, в подписи под табл. 7 упомянуты эвенки с р. Катанги, эвенки илимпийские, эвенки вилюйские. В первом случае в основу положен территориальный принцип (Катанга — эвенкийское название Нижней и Под-

каменной Тунгусок), во втором случае — административное деление, в третьем — обширный и очень неопределенный географический район. В последнюю группу могли войти и эвенки с р. Эконды, и эвенки с р. Мархи или р. Чоны. Эти группы эвенков имеют существенные культурные различия, например, эвенки с р. Чоны подверглись сильному якутскому влиянию. В подписи под табл. 8 говорится об охотских эвенках, но речь, вероятно, идет об охотских эвенах.

Вызывает сожаление отсутствие на значительной части карты данных о типах головных уборов. Огромные районы, расположенные к востоку от верхнего течения Лены и к западу от ее нижнего течения и заселенные эвенками, обозначены на карте как неисследованные. К неисследованным отнесены также почти все группы хакасов, чулымцы, телесы, теленгиты. У читателя это может вызвать недоумение, так как в пояснительном тексте приводятся сведения о головных уборах «неисследованных» групп эвенков, теленгитов, хакасов. Следовало бы разъяснить, что речь идет не столько о неисследованных районах, сколько об отсутствии в музейных коллекциях Ленинграда головных уборов из указанных районов.

Нельзя не отметить, что головные уборы народов Южной Сибири представлены неполно. В особенности это относится к хакасам, алтайцам, тувинцам. Так, например, у тувинцев не отмечен очень интересный в историко-этнографическом отношении головной убор *будээлге*, который шили из двух кусков сукна, соединенных продольным швом. Шапку кроили с наушниками. Спереди шапка имела небольшой мыс, прикрывавший часть лба, на затылок спускался выступ. Шапки такого покроя, получившие распространение в эпоху древнетюркского каганата (их изображения имеются на каменных изваяниях VIII—IX вв. в Туве и Монголии), продолжали бытовать в Южной Сибири до начала XX в.

Орнаменту посвящена статья С. В. Иванова. Она включает тщательно выполненный большой альбом орнаментов народов Сибири (сорок шесть таблиц), двенадцать таблиц отдельных орнаментальных типов и пять карт их распространения.

В основу выделения типов положены орнаментальные мотивы, являющиеся наиболее характерными и устойчивыми признаками орнамента. В орнаменте народов Сибири автором выделены двенадцать типов, сложившихся в результате длительного исторического развития: северосибирский, сяно-алтайский, среднесибирский, североазиатский, приобский, нижнеиртышский, иртышско-алтайский, амуро-сахалинский, южносахалинский, южносибирский, восточноазиатский, тоболо-иртышский. Статья С. В. Иванова является обобщающим исследованием орнамента народов Сибири. Автору удалось убедительно показать значение орнамента как исторического источника. Систематизация материала привела С. В. Иванова к выводу, что выделенные им типы орнаментов являются категориями не формального, а исторического порядка и находят свое объяснение в сложных процессах этногенеза народов Сибири.

По ряду признаков автор объединяет отдельные типы в комплексы, делая попытку увязать их с неолитическими и палеометаллическими культурами Сибири. Жаль, что такая попытка связать этнографические и археологические материалы предпринята лишь автором статьи об орнаменте.

В целом выводы С. В. Иванова достаточно убедительны и хорошо аргументированы. Вызывают возражение лишь отдельные положения. Так, например, автор объясняет появление в тувинском орнаменте ряда фигур, сходных с монгольскими, близостью «тувинцев к районам, населенным монгольскими племенами» (стр. 376). Но это была лишь одна из причин влияния монгольского искусства на тувинское, причем не главная. В процессе формирования тувинской народности существенную роль сыграли монгольские племена. Орнамент нганасан, представленный на табл. 6; рис. 3, характерен для энцев и, по сведениям, полученным от нганасан, у последних не встречается. Нужно также отметить существенный недостаток статьи — отсутствие указателя источников иллюстраций; вероятно, это объясняется тем, что автору пришлось отказаться от фотоиллюстраций конкретных орнаментированных предметов, а дать только обобщенные рисунки узоров.

Последний раздел атласа (автор Е. Д. Прокофьева) посвящен шаманским бубнам. Как известно, принадлежности шаманского ритуала весьма консервативны и поэтому могут служить одним из важных источников при решении этногенетических проблем. В этнографической литературе по народам Сибири делались попытки дать классификацию бубнов, но при этом исследователи исходили из одного какого-либо признака. Е. Д. Прокофьева же привлекла для классификационных целей комплекс признаков, впервые ввела в научный оборот многие ранее неизвестные материалы. Она делит бубны народов Сибири на две группы: бубны с внешней рукоятью и бубны с внутренней рукоятью. Среди бубнов, входящих в последнюю группу, автор выделяет четыре типа: западносибирский, южносибирский, среднесибирский и дальневосточный. Автор делает на основе анализа распространения типов бубнов интересные этногенетические выводы. В частности, представляют большой интерес выводы о сходстве бубнов тех народов, предки которых имели в древности культурно-исторические связи в Саянах (кетов, селькупов, восточных тувинцев, тофаларов, частично хакасов и др.).

В результате изучения шаманских бубнов было установлено, например, сходство ряда деталей их конструкции и терминологии у народов, ныне очень отдаленных — хакасов и саамов, что дает дополнительные основания предполагать в их этногенезе общие элементы.

Раздел включает двадцать пять таблиц фотографий бубнов, двенадцать типологических таблиц и три карты (распространение типов шаманских бубнов, распространение названий бубнов, распространение названий колотушек шаманских бубнов).

Таким образом, авторами атласа обобщен огромный фактический материал. В научный оборот введены значительные музейные материалы, оставшиеся до последнего времени недоступными широкому кругу специалистов. При этом, однако, нельзя не отметить существенный недостаток работы. В «Приложении» к атласу указаны лишь номера музейных коллекций и не даны сведения о том, где, кто и когда производил сбор материалов. Отметим также, что в основу атласа положены главным образом материалы двух ленинградских музеев — Музея антропологии и этнографии АН СССР и Государственного музея этнографии. Частично использованы личные архивы авторов. Огромные материалы местных сибирских музеев привлечены мало. Все же, опираясь на богатые фонды центральных музеев, авторы дали весьма удачную типологическую классификацию важнейших форм материальной культуры народов Сибири.

Из проведенных авторами атласа исследований следуют важные этногенетические выводы. Как справедливо отмечено во введении, «в результате этнографического анализа открывается возможность выделить на этнографическом материале Сибири отдельные исторически образовавшиеся своеобразные историко-этнографические области или районы» (стр. 5). Авторы введения (М. Г. Левин и Л. П. Потапов) отмечают на территории Сибири несколько таких историко-этнографических областей: Амурскую область, охватывающую народы Нижнего Амура и Сахалина; Северо-восточную область, включающую народы Северо-Восточной Сибири (чукчи, коряки, ительмены); Восточносибирскую область (различные группы эвенков, эвенов, а также юкагиры); область Саяно-Алтайского нагорья, охватывающую большую группу ныне тюркоязычных народов, и Западносибирскую область, где отмечены черты сходства в культуре хантов, манси, селькупов. К сожалению, культурные общности указанных историко-этнографических областей намечены крайне схематично, для их обоснования лишь отчасти привлечены материалы атласа. Вопросам выделения историко-этнографических областей на территории Сибири на основе типологического анализа культуры ее народов следовало бы посвятить итоговую заключительную статью.

Нельзя не сказать и о качестве издания. Выпуск в свет работы объемом 102 печатных листа, содержащей большое количество фотографий, рисунков, таблиц, карт — значительное достижение Ленинградской части Издательства АН СССР. Однако следует отметить, что полиграфическое выполнение некоторых рисунков и карт оставляет желать лучшего. Вызывает сожаление и отсутствие в Атласе цветных вклеек рисунков и карт.

Рецензируемый атлас разумеется, не исчерпал всей этнографической тематики по народам Сибири. Некоторые материалы по темам, не вошедшим в данный атлас, участники авторского коллектива начали публиковать в виде специальных статей⁴. Думается, что работа по изучению таких элементов культуры, как обувь, детская одежда, шаманское облачение, утварь и т. д. может дать многое для выявления особенностей древних историко-этнографических общностей на территории Сибири. Желательна публикация материалов по темам, не вошедшим в атлас, в виде отдельных выпусков, сохраняющих не только структуру статей атласа, но и его формат.

Следует отметить, что «Историко-этнографический атлас Сибири» — первый опыт по созданию такого типа работ на этнографическом материале Советского Союза. Методика, предложенная авторским коллективом настоящего издания, без сомнения, заслуживает внимания и будет в значительной степени использована составителями Русского этнографического атласа, а также этнографических атласов по Средней Азии, Кавказу и другим областям нашей многонациональной страны⁵.

В целом Историко-этнографический атлас Сибири является крупным достижением советской этнографической науки. К атласу будут обращаться не только этнографы, археологи, историки, но и искусствоведы, архитекторы, специалисты по северному промысловому хозяйству и все те, кто интересуется жизнью и бытом народов Сибири.

С. Вайнштейн, И. Гурвич, З. Соколова

⁴ А. А. Попов, Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия, «Сборник МАЭ», т. XVI, Л., 1955, стр. 41—146.

⁵ Работа над Историко-этнографическим атласом Сибири привлекла к себе внимание задолго до выхода этой книги, см.: М. Г. Левин, Этнографический атлас Сибири, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», вып. XV, 1952, стр. 3—7; Т. А. Жданко, Историко-этнографический атлас Средней Азии, «Сов. этнография», 1955, № 3, стр. 20—29.